

И.Грекова

Маленький Гарусов

ФТМ

И. Грекова

Маленький Гарусов

«ФТМ»

1969

Грекова И.

Маленький Гарусов / И. Грекова — «ФТМ», 1969

Гарусов был ленинградец, сирота и воспитывался в детском доме. Отца своего он совсем не знал, а мать пропала во время блокады: ушла за хлебом, да так и не вернулась. Было ему тогда лет шесть или семь, сколько именно, он толком не знал, не до того было: голод.

© Грекова И., 1969

© ФТМ, 1969

Содержание

1	5
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

И. Грекова

Маленький Гарусов

1

Гарусов был ленинградец, сирота и воспитывался в детском доме. Отца своего он совсем не знал, а мать пропала во время блокады: ушла за хлебом, да так и не вернулась. Было ему тогда лет шесть или семь, сколько именно, он толком не знал, не до того было: голод. Довоенное время он помнил урывками. Как будто бы жили они с матерью хорошо. Мать работала дворником в большом, красивом доме. Лучше всего в доме была парадная лестница – лепные потолки, узорчатые перила, а главное, огнистые разноцветные окна сплошь в красных цветах и зеленых листьях. Гарусов запомнил цветное стекло, не гладкое, а пупырчатое, как лягушачья спинка, и свой маленький черный ноготь, прижатый к стеклу для ощупывания, с приятным треском перескакивающий с одного бугорка на другой.

Иногда по лестнице спускалась красавица девочка с желтыми косами, в красной шубке, красных чулках и белых ботинках. Девочка шла степенно, за руку с няней, одолевая каждую ступеньку не в один, а в два шага, и, пока она шла, яркий блик от цветного стекла двигался по ней снизу вверх. На этой девочке Гарусов порешил, когда вырастет, жениться.

Дворницкая, где Гарусов с матерью жили вдвоем, стояла во дворе особым домиком. Летом вокруг домики цвели маргаритки, а зимой по сугробам прыгали красные снегири. В мороз деревянная дверь забухала, и Гарусову трудно было ее отворить. Приходила мать, дергала за ручку, дверь сразу распахивалась, и ветер ударял Гарусову в щеку. Мать была сильная, большая, красивая, зубы во рту – как фонари.

Вообще Гарусов больше помнил зиму, чем лето. Помнил один конек, который он ремнями привязывал к валенку. Помнил блестящие исцарапанные дорожки, прокатанные мальчишками на тротуарах. Хорошо было с разбегу проехать по такой дорожке, а потом упасть и ехать дальше уже на штанах.

В углу дворницкой стояла железная печка на четырех ногах с коленчатой черной трубой. Этой печки Гарусов боялся, потому что походила она на присевшего черного зверя. При матери страх проходил. Печку топили сосновыми чурками. Они были желтые, занозистые, пахучие, с капелькой смолы на каждом конце. От смолы на пальцах оставались липкие пятна.

Пока печка топилась, в дворницкой было тепло, а когда прогорала, быстро становилось холодно. Особенно холодно было по ночам. Гарусов спал под тулупом, всем телом ощущая на себе его защитную тяжесть. Спасали от холода и крепкий бараний запах, и самое слово «тулуп». Иногда среди ночи Гарусов просыпался, чувствуя надобность пойти по своим делам, но не отваживался, так и лежал до утра.

Тулуп был старинный, крепко выношенный, еще отцовский. Про отца Гарусов знал, что раньше он тоже был дворником, только не в этом доме, а в соседнем. С матерью они познакомились на дежурстве. Об этом мать рассказывала, правда, не Гарусову, а тете Шуре – управдомше, своей приятельнице: «И пришла к нам судьба». Гарусов так это себе и представлял: сидят рядышком два красивых дворника в больших тулупах, а судьба к ним, вроде голубя, не то входит, не то прилетает.

По рассказам матери, отец в дворниках не ужился из-за своей большой культуры: любил книжки читать и вопросы решать. Бросил он свою работу и уехал на Север, строить новую жизнь. Гарусов так это понимал, что построит отец новую жизнь, решит все вопросы и тогда уже возьмет их с матерью к себе.

Матери фамилия была Делянкина, а его – Гарусов, по отцу. Мать так и звала его по фамилии – Гарусов, а по имени редко, разве когда рассердится. Он и сам не любил своего имени «Толька», полагал, по наивности своей, что это значит «только», то есть слишком мало. Мало у них было денег – только двести пятьдесят. Особые деньги стояли на комод в коробке из-под чая, так и назывались «чаевые». Из чаевых мать иногда давала Гарусову на леденцы. Он покупал петуха на палочке и медленно, до самой щепки его обсасывал. Добрая мать: никогда себе петуха не купит, только ему, Гарусову. Ласкать-то она его особенно не ласкала. Разве что иногда сложит руки лодочкой, ладонями кверху, а Гарусов туда, в эту лодочку, с любовью сунет свое лицо.

Помнить все подряд Гарусов начал с того дня, как мать получила письмо. Принял его он сам (матери не было дома) и даже расписался каракулей в разносной книге, хотя писать не умел. Письмо ему понравилось: гладкое, тяжеленькое, и марка с самолетом. Пришла мать, увидела письмо, вся побелела, перекосилась и давай рвать конверт, по самой марке. Гарусов заревел. А она вынула письмо, стала читать, и, пока читала, все садилась и не могла сесть на стул. Платок у нее съехал с головы, упал на пол. Потом мать ударила по столу кулаками и головой и давай перекачивать голову туда-сюда. Гарусов испугался, даже реветь перестал. Он тронул ее за локоть и окликнул. Она ничего, как глухая. Тогда он сказал про марку. Мать рассердилась, подскочила, порвала письмо, конверт и марку на мелкие клочья, бросила все это на пол и ногой затоптала. Потом, не глядя на Гарусова, накрылась платком по самые брови, завязала его крест-накрест через обе щеки, взяла метлу и пошла во двор.

Этот день Гарусов запомнил потому, что с тех пор стало у них все по-другому. Мать не плакала, не дралась, но совсем перестала его замечать. Обед на стол поставит и не посмотрит ели ли? И все молчит. Гарусов обижался и тоже молчал. С тетей Шурой управдомшей она небось не молчала, очень даже разговаривала. По вечерам, когда они думали, что Гарусов спит. А он и не спал, все слышал. «Нет в них, паразитах, благодарности», – говорила мать. «Уж как есть, нету, – отвечала тетя Шура управдомша, – а ты его не жди, сама живи, своим разумом». Из этих разговоров Гарусов понял, что отец его паразит, на местной расписался, а значит, не приедет за своим тулупом и не возьмет его с матерью в новую жизнь. И еще мать говорила: «Кому я теперь нужна? Кто меня возьмет с довеском?» – «Полюбит – возьмет и с довеском», утешала тетя Шура. Гарусов хорошо понял, что «довесок» – это он сам.

С этого же времени стала мать приходиться домой пьяная – не каждый день, а раза два в неделю. Придет, глаза стеклянные, как у козы, подопрется локтями и давай петь. Пела она тонко, грустно и зло; Гарусов слушал, точно нитку разматывал. Приходила тетя Шура управдомша: «Опомнись, Настя, парнишку-то пожалей». – «Чего его жалеть, все равно безотцовщина, – отвечала мать, – а ты меня не попрекай, не на свои пью, на чужие». И еще говорила: «Вы, тетя Шура, старенькие, вы этого не понимаете, а я от молодости жить хочу». Гарусов слушал и чувствовал себя виноватым, что он не дает матери жить, только не знал, как это исправить.

А тут вскорости и война пришла. Гарусов не очень понимал, что это такое – война. Сначала только изменились ребячьи игры: мальчишки стали играть не в Испанию и Халхин-Гол, а в войну с фашистами. Одного мальчика с соседнего двора так и прозвали «Гитлер» – очень на него был похож, и сильно ему за это доставалось. Потом пошло затемнение, окна заклеили бумажными крестами. Гарусов тоже клеил в дворницкой: сначала выходило криво, а потом ничего. На лестницах появились бочки с песком, чтобы тушить зажигательные бомбы. Песок растаскивали ребята, мать на них сердилась и гоняла от бочек, а Гарусов ей помогал: раз большого мальчишку так стукнул, что тот отлетел мячиком. Матери выдали противогаз и брезентовые рукавицы, чтобы тушить зажигалки. Гарусов тоже примерял рукавицы – ему были велики. Это было сначала, а потом обрушилось как-то сразу все: тревоги, бомбежки, пожары, а главное, голод и холод. Прямо вместе так они и пришли, парочкой: голод и холод.

Гарусов мало жил и еще меньше помнил. Он не знал, какой должна быть нормальная жизнь. Каждую перемену он воспринимал как должное и сразу в нее вращал. Скоро он до того укрепился в блокаде, будто ничего другого никогда не было. Все это было от века: роняющее бомбы черное небо, карточки с крохотными талонами, маленький кусок сырого хлеба на целый день. И все же голодать ему было трудно: он был мал, надо было расти, а расти не с чего. Дни и ночи он разговаривал со своим беспокойным телом. Оно требовало расти. Мать со времени войны больше стала жалеть Гарусова, понимала, как ему трудно. Она уж и так отрывала ему половину своего пайка, а больше отрывать не могла: надо было есть, чтобы держать метлу. Метла – значит, рабочая карточка.

Еще хуже голода был холод. Голод был только внутри, а холод – и внутри, и снаружи. Чурок для топки не было. Топили чем попало, больше мусором, он совсем не давал тепла. По утрам мать разжигала примус, ставила его на окно. Гарусов лежал под своим тулупом, который за ночь у рта обрастал инеем, и смотрел, как от огня начинали плакать и таять на стеклах толстые наледы. Холод был огромен и занимал весь мир, а огонь примуса был маленьким и ненадежным.

В эту блокадную зиму Гарусов так был занят своим голодом и холодом, что почти не заметил, как в дворницкую попала бомба. Они с матерью пришли из убежища. Оказалось, что зажигалка пробила потолок, упала на кровать, сожгла одеяло и сама собой потухла. Спасибо, тулуп не сгорел. Мать по одеялу не плакала, шевелила сухими пальцами около рта. Гарусов был равнодушен, сидел на стуле, и на него шел снег. Прибежала тетя Шура управдомша, ахать не стала, поглядела на потолок, сказала: «Ремонтировать бесполезно», – и тут же, сама от себя, решила выделить погорельцам квартиру из тех, где жильцы померли. Пошли искать квартиру, и Гарусов с ними. Квартиры были все как одна – без стекол, в густом инее, с холмиками снега по углам. В одной из них посреди пола лежала мертвая кукла – наверно, погибла при бомбежке. Гарусов куклу пожалел и выбрал для себя с матерью эту квартиру. Переехали вместе с печкой. Трубу вывели в форточку, окна забили фанерой и стали жить. В новой квартире было еще холоднее, чем в дворницкой, – ветер из незанятых комнат ходил по ногам. Печку топили книгами. Прежний хозяин квартиры, говорила тетя Шура, очень интеллигентный был, пока не помер. В мирное время каждый день новую книгу покупал. От книг огонь был яркий и шумный, но не горячий, бел углей. На один чайник уходила почти целая полка. После топки оставался черный слоистый пепел. Мать от голода скоро совсем ослабела, у нее выпали зубы через один и опухли ноги, и ей все труднее было работать.

Хлеб они получали пораньше, с утра и тут же его съедали. Днем терпели, варили суп из кипятка с перцем и солью. Когда по карточкам давали сахар или конфеты, у матери с Гарусовым был праздник. Книг было еще много, а на будущее они не загадывали. Спички кололи – каждую на четыре части. В общем, ничего, жили. Только Гарусов осип и почти перестал разговаривать, и мать тоже больше молчала, только шевелила пальцами у губ – такая у нее стала привычка.

Иногда заходила к ним тетя Шура управдомша. Та совсем высохла, отеков у нее не было, ходила она легко и прямо, в штанах и ватнике на солдата стала похожа, танкиста. Лицо черное, а веселое. Гарусов любил, когда она приходила.

Тетя Шура садилась на стул посреди комнаты, расставив прямые ноги в валенках и толстых ваточных штанах, и закуривала. Веселый голубой дымок вился над самокруткой и как будто согревал комнату.

– Пухнешь, Настя, – говорила тетя Шура. – И с чего это тебя разносит, а?

– Пухну, тетя Шура, – отвечала мать. – А что делать?

– Пустой воды меньше пей, – учила ее тетя Шура. – С пустой воды в брюхе лягушки заводятся. А главное, о себе поменьше думай. Сейчас каждый не о себе должен думать, а о государстве.

Это Гарусов понимал. Он тоже думал о государстве.

– Да разве я о себе? – тоскливо спрашивала мать. – Парень у меня... Помру я – что с ним будет?

– Ну и что – помрешь? Подумаешь, свет удивила! Многие помирают, не ты первая, не ты последняя. И парня твоего не бросят люди, спасут. Жива буду я спасу, помру – другой спасет. Так что, Настя, не переживай, порхай чижилом! А сейчас чего легла? Встань, чайник согрей, чаем меня напои по-хорошему. Гостя я у тебя, понимаешь?

– Нет у меня, тетя Шура, заварочки... – отговаривалась мать.

– Ни у кого теперь заварочки нет. А и лучше, говорят, от чаю цвет лица портится. То ли дело – кипяточек, да с хлебом, да с сахаром...

– Нету хлеба ни полкусочка... Сахару нет...

– Что ж ты за хозяйка – хлеба нет, сахару нет? Хлеб всегда в доме должен быть, для гостя, если зайдет. Ну ладно, свой принесу, а ты вставай, не разлеживайся.

Мать, вздыхая, разжигала печку, ставила чайник, и скоро он начинал щебетать. А тетя Шура возвращалась и впрямь со своим хлебом и сахаром. Хлеба – кусочек, как спичечная коробочка, а сахару совсем немножко, с чайную ложечку, в газетном фунтике. Хлеб делили на троих, всем поровну, а сахару мать с тетей Шурой только клюнут самую крошечку, почти все доставалось Гарусову. Он закрывал глаза и дочиста вылизывал фунтик – вылизет, а потом еще обсосет: сначала как будто сладко, а под конец уже горько.

Один раз Гарусову посчастливилось: он поймал на заднем дворе хромую ворону. Мать сварила из нее настоящий суп, и был у них пир, и тетю Шуру пригласили, и все наелись. Гарусов и не знал, как это вкусно – вороний суп. «Наступит мирное время, – решил он, – каждый день буду есть такой суп». И мать была довольна, сказала Гарусову:

«Добытчик ты мой», – и вдруг взяла и сложила руки лодочкой. Давно она этого не делала. Гарусов погрузил туда лицо, и сердце у него зашлось от любви. На другой день он сделал рогатку и пошел на охоту, чтобы убить много ворон. Но больше ни одна ему не попадалась.

А мать становилась все желтее, и ноги у нее – все толще. Ходила она на них, как на мешках. Да и ходила-то мало, больше лежала. Один раз даже для тети Шуры не встала, чайник поставить.

2

Однажды утром Гарусов лежал под тулупом. Мать, как всегда, пошла за хлебом, но очень долго не возвращалась. Он ждал-ждал, терпел-терпел и решил встать. Пол был морозный. Гарусов сам затопил печку: где у матери спички, он знал. Когда ходил за книгами, испугался, что их осталось уже немного. Печка горела бойко, светлые пятна и темные тени прыгали по стене, но Гарусову все было холодно. Матери не было, а желудок просил привычной утренней порции хлеба. К тому же он захотел пить, но воды в ведре не оказалось, только брякнула ручка. Темные тени казались воронами, от них делалось страшно. Гарусов решил пойти за матерью в булочную. Он обмотал голову поверх шапки старым платком (голова всего больше зябнет), запер дверь на задвижку снаружи и вышел. Был уже вечер, небо синее, снег тоже, мороз не особенный, можно терпеть. Булочная была закрыта, очереди возле нее не было. Он сунулся в два-три подъезда, там были темно и никакой матери. Гарусов заплакал и побежал обратно. Бежал он очень медленно, но сердце билось, будто бежал быстро. Одна нога в худом валенке у него застыла, и он бежал и топал, топал и плакал. Дома было темно, печка погасла, матери не было. Он пошел ее искать к тете Шуре управдомше, но и там никого не было – одна запертая дверь. Он вернулся к себе, ждал мать целую ночь и целую ночь топил печку, сжег все книги до последней, но так и не согрелся. Черным пепел кучами лез из печки и шелестел на полу. Когда последняя книга сгорела, Гарусов снова пошел на поиски. Платка в темноте он не мог отыскать, вышел так, без платка. На улице было уже светло, наверно, было утро, а может быть, уже день. Косо летел мелкий снег. Булочная была открыта, у дверей стояла очередь. Гарусов пошел вдоль очереди, заглядывая в каждое лицо, но материного среди них не было. Вдруг ему показалось: вот она, уходит по улице с кошелкой, а в кошелке хлеб. Верно, уносит его, чтобы съесть самой, не делиться. Гарусов загорелся огнем, бросился за матерью, очень трудно было бежать, но он догнал. Оказалось, что это совсем не мать, а чужая женщина, с длинными от голода, высунувшимися изо рта зубами. Она остановилась и спросила:

– Мальчик, ты чей?

– Дворников, – ответил Гарусов своим сиплым голосом.

– А чего тебе надо?

«Хлеба», – сказал Гарусов глазами, а ртом ответил совсем другое:

– Знаете, тетя, мы раз пошли с матерью за водой, приходим обратно, а наш дом не разрушен.

– Это бывает, – сказала женщина, – а ты иди себе, детка, холодно, иди домой.

Гарусов отстал от нее, пошел один и заблудился. Дома все были какие-то не те, и бочки не те. Он ткнулся туда-сюда, как потерявшаяся собака, и пошел наугад. Шел-шел и дошел до набережной. Что такое набережная, Гарусов знал. Где набережная, там вода, а он хотел пить. За толстыми каменными перилами лежали большие плоские льды, неровно припорошенные снегом. Он помнил, что за водой надо спускаться вниз по ступеням. И в самом деле, ступени вели вниз, и на них стояла очередь из стариков и старух. В проруби качалась черная, маслянистая, тяжелая вода. Люди спускались к ней и черпали воду чайниками, ведрами и бидонами. Глядя на воду, он еще больше захотел пить, и какая-то молодая бабушка дала ему напиться из обмерзшего, бородатого чайника. Вода заболталась у него в пустом животе, он шел и ёкал селезенкой, как усталая лошадь.

Тем временем стемнело, на горизонте в разных местах занялись зарева. Где-то стреляли. Выстрелов он не боялся, его смущало, что от него надают не одна, а две тени, и обе – голубые. Он обернулся, увидел позади себя еще одну тень, испугался и побежал, припадая на онемевшую ногу, медленно, но задыхаясь. Бежал он долго, пока совсем не устал. Вечер совсем почернел. Гарусов то шел, то опять бежал, или ему казалось, что бежал, по какой-то странной

улице без домов, где стояли одни заборы, сплошь покрытые белым бархатом. Когда шел, он тихо кричал: «Мама», – а когда бежал – умолкал. Улице не было конца. Гарусов выбился из сил и прикорнул в снегу под одним из бархатных заборов. Ноги у него были уже горячие, и скоро он согрелся весь. Его начало крутить и укачивать. Он заснул и видел во сне, как вокруг него летает множество ворон, а он за ними гоняется, но ни одной не может поймать. Мать тут же, она просит поймать ворону, а он, Гарусов, не может и плачет. А тут еще вороны бросаются на него целыми толпами, кричат на него и рвут ему уши. Он проснулся и увидел, что ворон нет, а мать в ватнике сидит рядом, кричит на него и трет ему уши чем-то горячим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.